

в Тоурула (рабочем предместье Ювяскюля) существовали четкие социальные барьеры. «Рабочие дружили с рабочими», но и здесь не было полного равенства: работники железной дороги считали себя рангом выше всех остальных. При этом сами они придерживались еще и внутренней субординации: машинист был рангом выше кондуктора, кондуктор выше проводника и т. д. Характерно, что эти социальные барьеры сказывались и на детях: дети рабочих не играли с детьми железнодорожников, этого им не разрешали родители⁸⁰.

Приведенные примеры иллюстрируют то положение, что в условиях города, даже в пределах рабочих кварталов или предместий, небольших по числу жителей, соседские контакты были слабее, чем в фабрично-заводских поселках.

В рамках статьи нет возможности остановиться на всех сторонах рабочего быта, изученных финскими этнографами. Но, отмечая разносторонность исследований, нельзя не пожалеть, что один его аспект остается до сих пор в сущности вне поля зрения этнографов — это рабочая семья, ее состав, численность, внутрисемейные отношения⁸¹. Изучение этой проблемы необходимо, хотя, несомненно, потребует большого труда. Исследование развития финской семьи на «переломном этапе» тем более важно, что начавшийся тогда процесс сокращения ее численности стал в наши дни в Финляндии острой социально-демографической проблемой.

Подводя итоги, можно констатировать, что широко проведенный сбор материалов по быту рабочих периода 1870—1920-х годов дал уже немалые результаты.

Основная масса исследователей весьма трезво подходит к оценке условий производственного и домашнего быта рабочих в те годы и вполне четко осознает, что переходный период с его пережитками «патриархальных нравов» был временем жесточайшей эксплуатации трудящихся, живших по большей части в нищете, тесноте и несправии. Отмечается и тот непреложный факт, что некоторое улучшение положения рабочих, практическое развитие рабочего законодательства начинается лишь тогда, когда рабочие формируются как «класс для себя» и оказываются в состоянии организованно отстаивать свои права, т. е. со времени революции 1905—1907 гг., — в то время в Финляндии существовала уже более чем сотысячная армия пролетариата.

Итак, финские этнографы во многом заполнили существенный пробел в истории или, точнее, этнографии рабочего быта, и есть все основания ждать обобщающих работ по «переломному периоду». Нельзя не напомнить, что без изучения этого этапа невозможно было бы подойти к изучению современного быта рабочих.

⁸⁰ Anttila V. Op. cit. S. 110—112.

⁸¹ Некоторые данные о размерах и составе рабочих семей, причем весьма противоречивые, содержатся в ряде работ, см.: Yliaho T. Tehtaalainen lounaisessa Hämessä. Jokioisten naulatahtaan työntekijän muotokuva, n. 1900—1940. Helsinki, 1984; Eenilä J. Op. cit.; Teinonen M. Porilainen perhe 1881—1931. Turku, 1984. № 12.

В. Г. Балушок

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА УКРАИНСКИХ ЦЕХОВЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ (XVI — середина XVII в.)

При изучении традиционного народного быта и особенно обычаев и обрядов восточных славян этнографы в большинстве случаев обращаются к сельской культуре. Традиционная же культура города до сих пор исследовалась сравнительно мало. Из фундаментальных работ, посвященных этой теме можно назвать, пожалуй, только монографию М. Г. Ра-

биновича¹. В то же время город в добуржуазную эпоху выработал богатую по содержанию и по формам материальную и духовную культуру, сыграл важную роль в формировании ряда важных элементов национальной культуры восточнославянских этносов.

Если же говорить вообще о традиционной народной культуре русских, украинцев и белорусов, то следует отметить, что исследователи в подавляющем большинстве случаев обращаются к XIX — началу XX в. Более ранние этапы, и особенно средневековые, до настоящего времени остаются слабо изученными этнографически. Это относится, в частности, и к средневековой обрядности². Однако традиционная обрядность XIX — начала XX в. представляет фрагменты былого универсума традиционной народной культуры, в большей или меньшей степени трансформированные остатки богатых и сложных средневековых ритуалов, подвергшихся разрушительному воздействию буржуазных отношений и культуры нового времени, которые утверждались начиная со второй половины XVII в.

Среди социальных групп средневекового общества видное место принадлежало городским ремесленникам, составлявшим большую часть трудового населения городов. Это особая социальная группа, существовавшая в отличие от крестьян в условиях более сложной и более развитой социальной структуры средневекового города.

В период средневековья городское ремесло, как известно, было корпоративным. В городах Украины ремесленники объединялись в цехи, для социальной организации и структуры которых характерны все основные черты данного формационного явления эпохи феодализма³. Украинские средневековые цехи были наследниками ремесленных корпораций, существовавших в древнерусских городах в домонгольский период⁴. В XIV в., когда Украина входила в состав польского и литовского государств многим украинским городам, в первую очередь крупным, было предоставлено самоуправление (так называемое магдебургское право)⁵. С его распространением и связано юридическое оформление цехов. В соответствии с существовавшими ранее в среде ремесленников традициями и нормами обычного права составляются писанные уставы цехов, которые давались на утверждение королям или другим сюзеренам и затем возвращались в цехи в виде жалованных грамот и привилегий. Цеховые уставы, а также появившиеся в цехах примерно в то же время книги для записи текущих дел послужили нам основными источниками для изучения цеховой обрядности, хотя в ряде случаев пришлось обращаться и к более поздним материалам.

В обрядовую систему украинских цеховых ремесленников в качестве составных элементов входили ритуалы, сопровождавшие производственную ремесленную деятельность; календарные обычаи и обряды; обряды, связанные с древними формами почитания природных стихий, соответствовавших технологическому профилю того или иного ремесла; праздники, посвященные покровителям ремесел, а также отдельных цехов, обычаи и обряды жизненного цикла. Мы остановимся на обрядах и обычаях жизненного цикла украинских цеховых ремесленников в период позднего средневековья, в частности XVI — середины XVII в. (до начала разложения цехов под влиянием развития капитализма). Автор привлек материалы цехов городов Западной Украины, Подолли, Правобережной (исключая юг), а также части Левобережной Украины (Черниговщина и Полтавщина), т. е. этнической территории украинцев в рассматриваемый период (ряд южных и восточных регионов заселен украинцами позднее).

¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

² О состоянии изученности данной проблемы см.: Гуревич А. Я. Праздник, календарный обряд и обычай в зарубежных странах Европы («Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы». т. I—IV) // Сов. этнография. 1985. № 3. С. 141—142.

³ См. Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. С. 760.

⁴ См. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 743, 767.

⁵ Історія Української РСР. Київ, 1979. Т. I. Кн. 2. С. 41.

В статье сделана попытка реконструкции данного обрядового цикла в целом, а также составляющих его элементов.

Обряды жизненного цикла украинских цеховых ремесленников имели ярко выраженный корпоративный характер, поскольку средневековый ремесленник почти не выделялся из общины-корпорации, с которой связывалась вся его жизнедеятельность. Корпорация обладала обычно суммой привилегий, закрепленных в соответствующих документах и вне такой системы сословно-корпоративных вольностей и привилегий человек чувствовал себя совершенно не защищенным от любых посягательств и произвола⁶. Каждый член феодального общества состоял в одной или нескольких корпорациях. Это «препятствовало тому, что семья играла роль исключительного или главного социального интегратора»⁷. Это было особенно характерно для цеховых ремесленников, самый характер профессионального становления которых надолго вырывал индивида из-под контроля семейной группы и связывал с чужими людьми. Именно поэтому обрядность жизненного цикла цеховых ремесленников была слита с ритуалами, сопровождавшими социальное развитие индивида как члена цеха. Его переход из одного жизненного состояния в другое мыслился только в рамках коллектива — ремесленной корпорации.

Обряды жизненного цикла украинских цеховых ремесленников совершались на *сходках* — общих собраниях мастеров цеха. Подмастерья и ученики на сходки не допускались. На собрание мастеров созывали, посылая членам корпорации цеховую эмблему — *циху*, на которой изображались орудия труда или образцы продукции данного ремесла.

Обрядовые действия проводились в горнице цехового дома — центре общественной жизни корпорации. Здесь хранились главные сакрально-ритуальные ценности цеха: изображение святых православной церкви, считавшихся цеховыми покровителями; эмблема; знамена; уставы и привилегии⁸; нагайка, употребляемая при посвящении в мастера. Месту, а также времени ритуала цеховые мастера придавали особую сакральность, отличную от церковной. В условиях господства религиозного мировоззрения реальную силу коллектива люди воспринимали в религиозной форме. Поскольку цеховая горница как центр всей общественной и ритуальной жизни символизировала коллектив ремесленников, она подвергалась сакрализации. Сакрализовалось и время обряда.

Входя в цеховую горницу на сходку, мастера читали молитву. То же они делали, садясь за стол. При этом просили остальных членов цеха «благословить войти в дом и сесть». Входили строго по старшинству. Молитву полагалось читать 12 раз, причем, чтобы мастер не ошибся, назначался «счетчик»⁹. Здесь, по-видимому, имело место использование в ритуале сакрального числа 12, как «счастливого» в противоположность «несчастливому» — 13. При распределении мест участников ритуальных действий в пространстве действовала строгая иерархия. Ср.: «Сідають по старшинству (хто старший годами і наукою)»¹⁰. «За стол садяться — *пан* (цехмистер.— В. Б.), справа от него *старший брат*, слева *ключник*. *Младшие братья* становятся возле двери»¹¹.

⁶ Чистозвонов А. Н. О социальной природе бюргерства (постановка проблемы) // Средние века. М., 1982. Вып. 45. С. 191.

⁷ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 317.

⁸ Письменный текст в средние века также воспринимался как сакральный объект (см., например: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 186). Цеховой устав, как очень важный для объединения документ, тоже был сакрализован. Во-первых, с уставом, поскольку он одновременно являлся и жалованной грамотой сюзерена, были связаны все цеховые права и вольности. Во-вторых, он был текстом не только практического, но и ритуального характера и использовался в цеховых обрядовых действиях (см. ниже).

⁹ Рукописные фонды Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (далее — ИИФЭ). Ф. 11—4. Ед. хр. 591. Л. 1—2.

¹⁰ ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 591. Л. 1. Цитаты и термины из источников, написанных по-украински и староукраински приводятся на языке оригинала. Термины же и цитаты из источников на старопольском языке даются в переводе на русский язык.

¹¹ Козаченко А. Пережитки цеховой організації в м. Гадячі // В сб.: Науковий збірник ВУАН. Київ, 1926. Т. XXI. С. 149.

Центральным объектом значимого для членов цеха пространства являлся цеховой сундучок (*скринька*), так как в нем хранились их главные ценности, в том числе ритуальные. О значении сундука можно судить по частоте упоминаний о нем в документах. Так, практически во всех уставах при перечислении важнейших цеховых атрибутов обязательно одним из первых называется сундучок. Все записи о совершении обрядовых действий и принятии важных решений содержат указание, что это произошло *при скринці*. Например, в цеховой книге одного из цехов Каменца-Подольского каждая запись о приеме учеников и подмастерьев с 1589 по 1652 г. содержит эту формулировку¹². Цеховой сундучок открывался в начале ритуала. Показательно, что при этом не произносилось никаких слов: «Как только открыт «сундук», икона (изображение патрона цеха.— В. Б.) показана,— собрание вдруг затихает: бросают курить, разговаривать, снимают шапки»¹³.

Во время обрядовых сходок запрещалось опаздывать, иметь при себе оружие, сидеть в головном уборе, опираться на стол, прерывать выступающих, говорить без разрешения, употреблять бранные слова и даже просто повышать голос («боже сохрани, щоб шум завився») ¹⁴. За нарушение этих запретов предусматривались строгие наказания.

Важную роль в жизненном обрядовом цикле украинских цеховых ремесленников играли обряды и обычаи, связанные с социализацией человека. Они способствовали превращению ремесленника в полноправного члена корпорации: его профессиональному становлению, передаче новым поколениям мастеров представлений, норм поведения, идей и ценностей, порожденных цеховым сословно-профессиональным микрокосмом. В средневековых цехах, с их специализированным производством, работа на заказ и уость рынка предъявляли высокие требования к профессиональной подготовке ремесленника. Социализация индивида занимала длительное время и проходила в несколько этапов. Первый этап социализации цехового ремесленника начинался с зачисления его в ученики. В украинских средневековых цехах в ученики принимали главным образом мальчиков и юношей, а в некоторых и девушек. При приеме мастер представлял кандидата цеховому собранию, цехмистер давал «новичку» наказ добросовестно работать, уважать мастера и цех. Ученик со своей стороны заверял, что будет выполнять все требования цеха¹⁵. Церемония приема ученика завершалась праздничным обедом, который устраивал мастер.

По истечении срока обучения совершались обрядовые действия, фиксировавшие перевод ученика в подмастерья. В присутствии всех членов цеха окончивший обучение торжественно благодарил мастера за науку и организовывал для него на свои средства угощение. Передачу знаний ученику символизировали хлеб, монеты или орудия труда, вручаемые ему мастером. На этой церемонии присутствовали и подмастерья, поскольку бывший ученик, получая статус подмастерья, вливался в их коллектив. В ряде цехов посвящение в подмастерья производили *батьки господи* — руководители организации подмастерьев, которая называлась *господа*. В этом случае угощение устраивалось для подмастерьев.

Церемония перевода ученика в подмастерья называлась *вызволкою*, т. е. освобождением (в данном случае освобождением от ученичества). Если ученик еще не считался ремесленником, то подмастерье, в основном освоивший все этапы производственного процесса, уже получал этот статус. Перевод из «доремесленного состояния» в ремесленники окончательно закреплял обряд *переименования* — определения фамилии новому подмастерью. Часто эти фамилии отражали соответствующие черты характера, физические или моральные качества получавших их подмастерь-

¹² Цехова книга бондарів, стельмахів, колодіїв, столярів міста Кам'янця-Подільського від 1601 до 1803 р. Київ, 1932. С. 1—20.

¹³ Козаченко А. Указ. раб. С. 149.

¹⁴ ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 591. Л. 3.

¹⁵ *Владимирський-Буданов М.* Німецьке право в Польщі і Литві//Розвідки про міста і міщанство на Україні — Русі в XV—XVIII в. Львів, 1904. Ч. 2. С. 295.

ев. Ритуал переименования торжественно проводили четыре специально назначенных мастера: *отец переименовальный, выступающий, звонарь и patek* (польск.) — кум, крестный отец¹⁶. Переименование символизировало получение индивидом статуса ремесленника и окончательный разрыв его с немесленной средой. Обряд переименования зафиксирован в цеховых документах XVI — середины XVII в. городов Правобережной и Западной Украины. В документах ремесленных корпораций Левобережья указаний о бытовании здесь этого обряда не встречается. Поэтому, возможно, он был характерен лишь для городских ремесленников к западу от Днепра.

В большинстве цехов средневековой Украины ремесленник непосредственно после вызволки становился не подмастерьем, а *млодцем* или *робенцем* и некоторое время работал на своего мастера за плату¹⁷.

Подмастерья украинских цехов, как и западноевропейских, должны были *вендровать* (странствовать), т. е. пройти дополнительное обучение у мастеров различных городов, чтобы обогатить свои профессиональные навыки, а также заработать средства для открытия собственной мастерской. Когда странствующий подмастерье приходил в какой-либо цех, он являлся к цеховому начальству, которое определяло, у какого мастера ему надлежит работать. Например, в привилегии 1652 г. черниговского булочного цеха указывается, что «странствующий подмастерье должен обратиться к цехмистеру, если хочет к какому-либо мастеру пристать»¹⁸. В конце пребывания у мастера такой подмастерье получал свидетельства, в которых отмечались его успехи в овладении ремеслом, а также содержалась оценка его поведения.

После странствий подмастерье возвращался в родной город и проходил обряды посвящения в мастера. Этими обрядами завершалась социализация цехового ремесленника: они знаменовали переход к зрелости и самостоятельности, приобщали к производственной и общественной жизни корпорации. В результате ремесленник включался в цеховой коллектив в качестве полноправного и полноценного его члена. На это указывает, в частности, термин, которым обозначалась церемония посвящения в мастера на Украине в рассматриваемый период, *єднанье цеха*¹⁹. В староукраинском языке слово *єднанье* имело значение «единство, согласие». *Єднанье чинити* означало приводить в согласие, єднати с А значило соединиться²⁰. Подмастерье, который «єднав» цех, в результате этих действий соединялся с ремесленным коллективом, включался в его состав.

Для принятия в цех в качестве мастера, ремесленнику были необходимы квалификация, достаточная для успешного проведения всех фаз производственного процесса и наличие средств для приобретения орудий производства²¹. Претендент на звание мастера подвергался со стороны цеха испытанию, в ходе которого проверялись его мастерство и квалификация, а также наличие достаточной суммы денег.

Чтобы доказать свое мастерство, новичок в присутствии всех мастеров цеха представлял на рассмотрение цехмистра и старших мастеров свидетельства об успешном овладении ремеслом, полученные в странствиях. Кроме того, он изготавливал под присмотром двух назначенных цехом мастеров урочное изделие — так называемый *шедевр*, который на Украи-

¹⁶ Цехова книга бондарів, стельмахів, колодів, столярів міста Кам'янець-Подільського від 1601 до 1803 р. С. 57, 59, 165.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив УССР (далее — ЦГИА УССР). Ф. 223. Оп. 1. Т. 1. Р. 310; Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст.//Збірник документів. Львів, 1961. С. 376.

¹⁸ Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР (далее ЦНБ АН УССР). Ф. II. Ед. хр. 22907. Л. 8.

¹⁹ Цеховые акты левобережной Малороссии (1622—1645)//Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1902. Кн. 15. Вып. 4. С. 204, 206; ЦНБ АН УССР. Ф. II. Ед. хр. 22643, 27650.

²⁰ Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977. Т. 1. С. 345—346.

²¹ *Сванидзе А. А.* Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.). М., 1987. С. 156.

не назывался *штука*²². Изготовлением шедевра, представлявшего собой сделанный по стандартам и нормативам цеха образец, претендент доказывал свою способность давать высококачественную продукцию, достойную цехового ремесленника.

Кандидат в мастера приобретал на свои средства сырье для изготовления шедевра, вносил определенную сумму деньгами и воском в цеховую казну, а также устраивал угощение (*колация, учта*) для всех мастеров²³. Сумма, которая при этом тратилась, в XVI — середине XVII в. существенно различалась в разных цехах, но всюду была довольно значительной.

Церемонии посвящения в мастера проходили очень торжественно. В ходе их совершались различные действия, символизировавшие включение ремесленника в состав цехового коллектива. Во время совершения обряда кандидат в мастера должен был стоять отдельно от мастеров цеха возле двери, где разрешалось находиться чужим и гостям²⁴. И лишь когда старшие мастера и цехмистер рассмотрят урочное изделие и свидетельства, мастера угостятся, писарь сделает запись в цеховую книгу, испытуемый имел право войти и сесть вместе со всеми²⁵. В лирницких цехах специальный дублер — *підмолочий* совершал все действия вместо посвящаемого, как если бы последний вообще отсутствовал в цеховой горнице²⁶. В ряде цехов кандидат в мастера подвергался физическим испытаниям. Например, в сапожном цехе г. Янова (Подолія) будущего мастера укладывали на доску для выделки кож и били нагайкой, именуемой *звичай* (обычай)²⁷. Новопосвященный мастер торжественно давал присягу. Он обещал беспрекословно повиноваться цеховому начальству, быть преданным своей корпорации, хранить профессиональные секреты, бороться против нарушения устава. Но и после всех этих действий он еще не считался полноправным членом ремесленного коллектива. Он должен был отбыть определенные повинности, в частности *молодчество*. «Молодший (младший — В. Б.) брат» следил за порядком в цехе, сохранностью имущества корпорации, а также использовался в качестве посыльного. Его служба продолжалась от шести недель до нескольких лет²⁸. Исполнение обязанностей младшего брата было обязательным для каждого новопосвященного мастера. Но иногда ремесленник очень долго оставался подмастерьем, и в пожилом возрасте ему было тяжело нести такую службу. В этом случае повинность отбывалась символически. На общей сходке новопосвященному подносили расщепленную палку с монетой в расщепе. Он брал палку, становился у двери горницы (место младшего брата всегда было возле двери, откуда он наблюдал за порядком на сходке), символически отбывая свое молодчество. Затем вносился выкуп, а палка с булкой в придачу передавалась другому новопринятому²⁹. Здесь мы сталкиваемся со случаем, когда ритуал помогает сохранить традиционный порядок и соблюсти необходимые нормы, нарушение которых считалось в традиционном обществе опасным для коллектива³⁰.

²² ЦНБ АН УССР. Ф. I. Ед. хр. 274. Л. 3; ЦГИА УССР. Ф. 220. Д. 188.

²³ Цехова книга бондарів, стельмахів, колоднів, столярів міста Кам'янець-Подільського від 1601 до 1803 р. С. 61—62; ЦГИА УССР. Ф. 223. Оп. I. Т. II. Д. 517.

²⁴ О семиотике внутреннего пространства дома см.: Байбурич А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 125—168.

²⁵ Кудринский Ф. Цеховые братства в местечке Степани//Киевская старина. 1890. № 7. С. 97; ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 589. Л. 9.

²⁶ ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 591. Л. 3.

²⁷ Сецинский Е. Материалы для истории цехов в Подолії//Труды Подольского церковного историко-археологического общества. Каменец-Подольский, 1904. Вып. X. С. 446.

²⁸ Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. Ч. 5. Т. 1. Акты о городах (1432—1798). Киев, 1869. С. 308; ЦНБ АН УССР. Ф. II. Ед. хр. 27650.

²⁹ Ефименко А. Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. СПб., 1905. Т. 1. С. 258.

³⁰ Pop M. Neue Wege der Brauchforschung (mit Beispielen aus Rumänien)//Zeitschrift für Volkskunde. 1984. Bd. I. S. 37, 38.

После посвящения в мастера ремесленник получал право вступить в брак. Подмастерье же, как человек, социализация которого еще не завершилась, такого права был лишен³¹.

Цеховые ремесленники средневековой Украины придавали большое значение моральному облику как мастеров, так и учеников и подмастерьев. Одной из причин этого была вера ремесленников, что создаваемый мастером предмет, как бы уподобляется своему создателю³². Поэтому считалось, что плохой человек не может сделать хорошую вещь и будет компрометировать цех не только своим поведением, но и плохим качеством изделий. На то, что украинские ремесленники верили в непосредственную связь между нравственным обликом мастера и качеством его изделий, указывают, например, слова украинского поэта конца XVII в. К. Зиновиева: «...которы(и) маля(р) чисто вѣк сво(и) прово(ж)дає(т), // то чудо(в)на ѿ (т) него ікона бываєть»³³. В связи с этим при посвящении в мастера кандидат кроме свидетельств об овладении ремеслом представлял также документы, удостоверяющие соблюдение им моральных норм на протяжении всего периода ученичества. В уставе львовского булочного цеха 1598 г. такие документы названы «листами о добром поведении»³⁴. О поведении посвящаемого в период ученичества цехмистер спрашивал также у присутствующих³⁵.

В цех принимали только законнорожденных. Требование законности рождения также находилось в прямой связи с указанными выше представлениями. Поскольку незаконность рождения осуждалась, считалась явлением аморальным, то и сам незаконнорожденный, по-видимому, уже изначально рассматривался как аморальная личность, которой нельзя доверить изготовление ремесленных изделий.

Мастерам во время обучения учеников и подмастерьев вменялось в обязанность строго следить за их поведением и прививать им доброту и правила хорошего тона. К. Зиновиев писал, что в соответствии с установленным в цехах порядком мастера не только обучают ремеслу, но «учне(в) свои(х) лю(д)зкости навчають»³⁶. Несмотря на заинтересованность мастеров в труде подмастерьев, последних за нарушение правил поведения в качестве наказания не допускали к работе, как это явствует из одного львовского устава 1598 г.: «Товарищ (подмастерье.— В. Б.), который работал бы на мельнице с приказа своего мастера или мастеровой, а доказали бы ему какой-либо недостойный поступок, на который бы он отважился, каждый такой будет отстранен от ремесла, пока не исправится»³⁷.

Для ремесленных цехов эпохи феодализма характерна монополия на специальность, и как результат ее, наследственность цеховых прав. Поэтому для родственников мастеров вступление в цех облегчалось. Так, в уставах было записано, что сыновья мастеров не должны делать шедевров вовсе или же только «пол-штуки чинить»³⁸. Размер денежного взноса для них также снижался наполовину. Есть свидетельства, что если сын мастера женился на дочери члена своего же цеха, он не платил ничего³⁹. Ряд документов также показывает, что странствия для подмастерьев — сыновей цеховых мастеров в некоторых городах были необязательными. Об этом говорится в уставах ткаческих цехов Львова (1533 г.) и Дрогобыча (1653 г.)⁴⁰. Зятья мастеров, а также ремеслен-

³¹ Лазаревська К. Київські цехи в другій половині XVIII та на початку XIX віку// В сб. Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Б. м., б. г. С. 285.

³² Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представления о вещи//Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 34.

³³ Зиновієв Климентій. Вірші. Приповіді посполиті. Київ, 1971. С. 140.

³⁴ Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. С. 64, 65.

³⁵ ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 591. Л. 2.

³⁶ Зиновієв Климентій. Указ. раб. С. 137.

³⁷ Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. С. 65.

³⁸ ЦГИА УССР. Ф. 223. Оп. I. Т. II. Д. 512. Л. 3.

³⁹ ЦНБ АН УССР. Ф. II. Ед. хр. 22643.

⁴⁰ ЦНБ АН УССР. Ф. I. Ед. хр. 274. Л. 4; ЦГИА УССР. Ф. 223. Оп. I, Т. II. Д. 512.

ники, женившиеся на вдовах бывших членов цеха, пользовались такими же или сходными льготами⁴¹. В результате браки, как правило, заключались в пределах одной профессиональной группы, иногда в смежных. Свадьба обычно праздновалась в кругу членов цеха.

Обрядовые сходки, на которых происходило посвящение в мастера, включали в себя в качестве обязательного элемента коллективное угощение. Во время такой трапезы господствовал строгий порядок и соблюдалась социальная иерархия. Угощались по старшинству. Сначала подносили вино цехмистеру, его заместителям и старшим мастерам, потом уже пили остальные. При этом пьющий спрашивал благословения у членов корпорации и обращался с аналогичной просьбой к иконам («Майстер набрав стаканом и становиться навколишки, говорить молитву одын раз. „Благословылы минн у Ключника водки вточить минн? Ну благословить же минн й выкушать“»⁴²).

Обряды социализации в ремесленных цехах и других средневековых корпорациях, на наш взгляд, обнаруживают определенные черты сходства с инициациями первобытного и раннеклассового общества. На это уже обращали внимание советские исследователи⁴³. Как представляется, указанное сходство проявляется как в структуре обрядов социализации, так и в их функциях. Роль этих обрядов — приобщение индивида к производственной и общественной жизни коллектива и выявление его подготовленности. Таким образом, отмечался переход ремесленника к зрелости и самостоятельности, а также фиксировалось появление нового полноправного члена цеховой общины. Ритуалы инициации, как известно, исполняли те же функции, т. е. фиксировали появление новых полноправных членов древнего коллектива. В ходе инициации молодежь усваивала необходимые для поддержания жизнедеятельности коллектива знания, идеи, нормы поведения и ценности. Она подвергалась ряду испытаний, имевших целью выявить пригодность к вступлению в число зрелых членов — главной социально-возрастной группы общины, которая обеспечивала ее жизнеспособность. Во время инициальных обрядов молодежь переживала ритуальную смерть и изгнание из общины за пределы ее территории в чужое пространство, воспринимавшееся в качестве социального⁴⁴. После этого происходило возрождение и возвращение иницируемых в социальный мир, что сопровождалось присвоением им новых имен. Сходная до известной степени картина наблюдается и в обрядах социализации цеховых ремесленников. Во время обряда «вызволки» происходило также как бы новое рождение индивида, уже в качестве ремесленника. Не случайно при этом совершалась церемония переименования. Пребывание иницируемых в чужом для данного социума пространстве сходно со странствиями подмастерьев, когда последние надолго оставляли свой город и уходили в чужие места, а часто и за границу. При этом испытывались не только их мастерство и нравственные качества. Вследствие царившей в средние века (особенно в период феодальной раздробленности) политической нестабильности они подвергались и прямой опасности. Ведь средневековый человек, как и член древнего коллектива, проходивший обряды инициации, оказавшись вне своей социальной группы, с которой были связаны все его права, становился бесправным и незащищенным изгоем⁴⁵. Отметим, что странствия имели не только практическое (повышение мастерства, заработок), но и символическое значение. Об этом свидетельствует их обязательность. Ведь каким бы квалифицированным работником ни проявил себя подмастерье, не побывав в странствиях, он не мог быть допущен к посвящению в мастера. Для подмастерьев — сыновей мастеров — странствия отменялись лишь в некоторых городах.

⁴¹ Цеховые акты левобережной Малороссии (1622—1645). С. 210.

⁴² ИИФЭ. Ф. 11—4. Ед. хр. 589. Л. 3.

⁴³ См. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978. С. 111; Кузьмищев В. А. У истоков общественной мысли Перу. М., 1979. С. 278; Пичугин П. А. Музыкальная культура андских народов М., 1979. С. 19.

⁴⁴ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 78.

⁴⁵ Гуревич А. Я. Указ. раб. С. 210.

Как видим, между инициальными ритуалами периода первобытности и раннеклассового общества и обрядами социализации цеховых ремесленников периода феодализма можно отметить определенное функциональное сходство. Как первые, так и вторые служили приобщению индивида — члена традиционного докапиталистического общества к единому целому — коллективу, который существовал в форме общины. Но типологически ритуалы социализации древности и средневековья различны, так как принадлежат к формационно различным типам культуры. При этом все же надо учитывать определенное культурное единство докапиталистических обществ, для культуры народных масс которых характерна, при несомненных формационных различиях, значительная общность многих элементов, особенно по сравнению с новым временем ⁴⁶.

После того как ремесленник становился мастером, следующей вехой на его жизненном пути было избрание на одну из руководящих должностей корпорации, высшей из которых была должность цехмистра. В украинских цехах обычно все мастера по очереди избирались в руководство объединения, хотя цехмистрами становились только те, кто обладал организаторскими способностями. Мастер, избравшийся цехмистром, должен был также ранее пройти все выборные цеховые должности, начиная с низшей ⁴⁷. Для того чтобы быть избранным руководителем цеха, необходимо было завоевать авторитет и уважение членов своего коллектива. Например, в привилегиях сапожного цеха г. Барышевки (1622 и 1642 гг.) указано, что руководить корпорацией должны были люди «достойные» ⁴⁸. Авторитет завоевывался многолетним добросовестным трудом, высоким мастерством, большим опытом, а также примерным поведением в соответствии с этическим «кодексом» цеховых ремесленников. Выборные должностные лица и особенно цехмистер окружались большим почетом.

Избирали цеховое начальство, как правило, на один год, но некоторые цехмистеры, имевшие хорошие организаторские способности, оставались на своих должностях по 10 и более лет. Выборы должностных лиц происходили на новогодней сходке. В г. Дунаевцах (Подолія) о предстоящем переизбрании руководства корпорации цехмистер извещал, выставляя за три дня до сходки у ворот своего дома цеховое знамя ⁴⁹. Сами выборы начинались с торжественного чтения устава, регламентировавшего как производственную, так и ритуальную жизнь цеха. О значении, придававшегося этому действу, свидетельствует тот факт, что человека, способного прочесть текст устава, на год освобождали от уплаты *квартильников* — регулярных денежных взносов в цеховую казну ⁵⁰. В случае отсутствия грамотных среди членов цеха устав читал писарь, которого приглашали со стороны. Цехмистер, его заместители и ключник отчитывались перед мастерами о своей деятельности и вместе со старшими мастерами рассматривали финансовые дела цеха ⁵¹. После голосования новые цехмистер и ключник принимали цеховой сундучок, имущество и оружие. Вступление новоизбранных в свои права сопровождалось ритуальными процессиями, проводившимися после выборов. В ходе процессий новоизбранное начальство торжественно обводило вокруг квартала, населенного ремесленниками, а при отсутствии цехового дома переносили цеховой сундучок и другие атрибуты в дом нового цехмистра ⁵². В этих процессиях цеховых мастеров, как представляется, усматривается ритуально-мифологический мотив пути. В частности, в обрядах, которыми сопровождался выбор цехмистра, имело место круго-

⁴⁶ См.: История древнего мира/Под ред. Дьяконова Н. М., Нероновой В. Д., Свенцицкой И. С. М., 1983. Кн. 1. С. 15; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 154.

⁴⁷ Клименко П. Цехи на Україні. Київ, 1929. С. 94.

⁴⁸ Цеховые акты левобережной Малороссии (1622—1645). С. 203, 204.

⁴⁹ Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. С. 487.

⁵⁰ Владимирський-Буданов В. Указ. раб. С. 302.

⁵¹ ЦНБ АН УССР. Ф. 1. Ед. хр. 2199. Л. 1—20; Ед. хр. 2201. Л. 9.

⁵² Сумцов Н. Ф. Указ. раб. С. 487, 488; Козаченко А. Указ. раб. С. 150.

вое движение по периметру значимого для ремесленников пространства, которое присутствует в специальных ритуалах освоения пространства⁵³. В данном случае происходило освоение цехового пространства новым главой цеха, которому предстояло руководить его производственной и ритуальной жизнью. После процессий цехмистру передавались ключ от сундучка (второй — ключнику) и атрибуты власти — специальный жезл и саблю. В больших городах Правобережной и Западной Украины, где существовали особые советы старших мастеров — «коллегии столовых», цехмистера избирали столовые. В частности, такой обычай существовал в XVII в. в скорняжном цехе Львова, где мастера сначала избирали столовых «на старшинство, т. е. на столовство», а уже «столовые братья избирают старшего цехмистера между собой, а все братья вместе со столовыми избирают младшего»⁵⁴.

Выборы цехового начальства сопровождались праздничным пиром. Вообще следует отметить, что все обрядовые сходки украинских цеховых ремесленников сопровождались коллективными угощениями. Цели праздничной трапезы ремесленников — не удовлетворение физической потребности в еде и напитках, а цеховая солидарность, проявлявшаяся в такой форме.

После того как ремесленник отбывал выборную должность, он переходил в ранг старших мастеров, именовавшихся «старшими братьями». Старшие мастера были почетными членами ремесленного объединения и образовывали своего рода совет старейшин цеха. В крупных цехах такие советы назывались «коллегии столовых». Советы старших мастеров контролировали работу цеховой администрации. Они производили ревизию финансов и результатов деятельности цеховой администрации при переизбрании руководства цеха. В одном из уставов 1673 года указывается, что цехмистер и ключник могли открывать сундучок только в присутствии шести «старших братьев»⁵⁵. Коллегии столовых львовских и каменецких цехов осуществляли судебные функции, они же избирали, как уже говорилось, цехмистеров. Ф. Клименко, исследователь 1920-х годов, отмечал, что в решении важных вопросов коллегия столовых стояла выше цехмистера⁵⁶. Старшие мастера являлись основными хранителями цеховых традиций, играли главную роль в проведении цеховых обрядов. В ходе ритуальных действий они выступали в качестве «культурнокомпетентных»⁵⁷, передавая выработанную цеховым образом жизни культурную, в том числе и этническую, информацию молодым ремесленникам.

С достижением ремесленником статуса старшего мастера заканчивался путь по лестнице цеховой иерархии к более высокому социальному положению, к почету и власти. В это время завершался и большой цикл обрядов, фиксировавших рост индивида как члена цехового коллектива.

Смерть цехового мастера рассматривалась как событие, непосредственно затрагивавшее весь ремесленный коллектив, и его погребение, как и почти все расходы, цех брал на себя. Вообще погребение умерших мастеров было одной из важных функций украинских цехов. Цеховые ремесленники присутствовали на погребении членов не только своих, но и других ремесленных корпораций, а также знатных мещан. Во время погребения перед гробом покойного несли *кенотаф* (имитация гроба), который накрывали специальным бархатным покрывалом (*оксамитом*), а также цеховое знамя и эмблемы⁵⁸.

Обрядовая система украинских городских цеховых ремесленников XVI — середины XVII в., один из циклов которой мы рассмотрели, это лишь часть обрядово-праздничной культуры средневековья. Социальная

⁵³ Топоров В. Н. Пространство и текст//В сб.: Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 266.

⁵⁴ Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. С. 330.

⁵⁵ ЦГИА УССР. Ф. 220. Д. 188.

⁵⁶ П. Клименко. Указ. раб. С. 97.

⁵⁷ Weber-Kellermann J. Die Sprache der Bräuche//Zeitschrift für Volkskunde. 1984. Bd. I. S. 26.

⁵⁸ Ефименко А. Указ. раб. С. 253.

структура средневекового общества очень сложна и иерархична. Характерной чертой средневековья была корпоративность общества снизу доверху. Люди объединялись в сельские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские и рыцарские ордена, религиозные братства, кровнородственные союзы и патриархальные семейные группы. И все эти сословные, социальные, корпоративные и родственные объединения имели свои обычаи и обряды, значительно различавшиеся как по форме, так и по содержанию.

Э. А. Иванова

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ БОЛГАР НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА ОТ НАРОДНОСТИ К НАЦИИ

В последние два десятилетия в связи с широко развернувшимися исследованиями проблем становления и развития наций отмечается все возрастающий интерес к исследованию национального (этнического) самосознания. Этническое самосознание выполняет важные функции в сфере общения, труда и международных контактов, играет существенную роль в социально-исторических процессах современности. Этими проблемами занимаются историки, философы, этнографы, социальные психологи, социологи.

Особенности этнического самосознания ярче раскрываются в переломные моменты истории этноса, такие, например, как переход от феодальной народности к нации. В случае, когда нация формируется на базе единой народности, т.е. в результате внутриэтнической консолидации, процесс преобразования этнического самосознания прослеживается особенно наглядно¹. В предлагаемой статье мы рассмотрим подобный тип этносоциального развития в варианте, когда нация создается из народности с неполной социальной структурой, не имевшей собственной государственности в условиях иноземного господства. В таких условиях, в частности, шло формирование болгарской буржуазной нации в XVIII—XIX вв. Этот процесс был осложнен еще одним обстоятельством: болгарский народ до 1870 г., т.е. почти до конца пребывания в составе Османской империи (1878 г.), не имел собственной религиозной организации: болгарская церковь подчинялась Константинопольской патриархии. Светские школы находились в ведении последней, преподавание долгое время велось преимущественно на греческом языке. Патриархия оказывала влияние и на другие сферы духовной жизни, проводя политику эллинизации в интересах молодой греческой буржуазии, которая с начала XIX в. уже активно конкурировала с болгарской на рынках империи и Европы.

Изучение развития национального самосознания у народа, не имевшего собственной государственности и собственной религиозной и культурной организации, представляет, на наш взгляд, большой теоретический интерес.

Болгарская буржуазная нация начала формироваться в обществе в основном аграрном, в условиях развернувшейся антифеодальной борьбы болгар против чужеродной политической власти. В этом состояла еще одна особенность условий создания болгарской нации, оказавшая немалое влияние на формирование ее этнического самосознания.

Ввиду недостаточной разработанности в научной литературе проблемы становления национального самосознания болгар и учитывая масштабность этой проблемы, автор настоящей статьи ограничился рас-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 287.